

дует сказать и о долге. Это прежде всего долг человека перед самим собой, а не перед другими. Кроме того, исполнение долга далеко не всегда диктуется велениями логического или «универсального» разума, как это принято думать, и приверженность своему долгу многих героев классицистической трагедии далеко не так разумна, как это кажется на первый взгляд. Одним из примеров тому может служить знаменитая трагедия Корнеля «Гораций». Ведь в основном именно этой трагедией и аргументируется обычное представление о гражданственном пафосе классицистического театра, о победе, одерживаемой разумом и гражданским долгом над страстями и чувствами положительных трагических героев.

В действительности дело обстоит много сложнее. Прежде всего обращает на себя внимание «неразумность» военного конфликта между Римом и Альбой, поставившего героев трагедии перед выбором между семейными и гражданскими узами. Непосредственно этому посвящен изложенный Куриацием монолог альбинского царя, обратившегося к римскому с предложением избежать братоубийственного кровопролития и решить спор путем поединка трех представителей одного города с тремя представителями другого:

... «Что творим?
И для чего должны с тобой мы биться, Рим?
Пусть разум²⁰ озарит наш дух, враждой смущенный...
Пускай утихнет спор, что превратит готов
В преступных родичей столь доблестных бойцов.
И если в эти дни слепая жажда власти
Внушила вам и нам *убийственные страсти*,
Пусть, кровью малых жертв легко утолена,
Уже не разведет, а сблизит нас она...²¹

Таким образом, именно разум восстает против братоубийственной войны, которую породили «убийственные страсти», внутренние «слепой жаждой власти». Соответственно и в подвиге Горация, убивающего во славу Рима своих близких родственников, проявляется не столько разумное сознание своего гражданского долга перед Римом, сколько страсть благородного, но неистового честолюбия. Отдать жизнь за родину — это в глазах Горация еще не подвиг:

Ведь за отечество так сладко умереть,
Что все конец такой согласны претерпеть.²²

²⁰ Курсив здесь и ниже наш. — Е. К.

²¹ Цитируется по переводу Н. Рыковой: Пьер Корнель. Избранные трагедии. ГИХЛ, М., 1956, стр. 85, 86.

²² Там же, стр. 91.